

ББК 63.3(1)
П84

Издание осуществлено при поддержке ООО «КомДар»

П84 Профессору Юрию Владимировичу Кривошееву ко дню семидесятилетия / Ответственные редакторы канд. ист. наук А. В. Логутова и канд. ист. наук Н. В. Штыков. — СПб.: Скифия-принт, 2025. — 864 с.

ISBN 978-5-98620-770-4

Сборник научных статей посвящен 70-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Юрия Владимировича Кривошеева.

Авторами представлены статьи, отражающие круг научных и обществоведческих занятий и интересов Ю. В. Кривошеева: история России, отечественная историография, историческая география и историческое регионоведение.

Издание предназначено для всех интересующихся историей России.

Статьи публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-98620-770-4

© Коллектив авторов, 2025

I

И. И. ВЕРНЯЕВ

ИМПЕРСКИЙ СУД НА РОССИЙСКИХ ОКРАИНАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Реформы в поздней Российской империи, начиная с 1860-х гг., означали более или менее последовательный переход от преимущественно косвенного управления, через посредство элитных корпораций, к прямому, через посредство ведомственных бюрократических институтов. На окраинах империи и в ряде регионов центральной части страны этот процесс был осложнен полиэтничностью населения и нередко наложением этнических и сословных линий разделения. В сфере юстиции этот переход заключался в более или менее полной замене преимущественно сословной судебной системы, контролируемой местными элитами, государственной юстицией. Внедрение институтов имперской юстиции на окраинах порождало ряд специфических вопросов относительно их устройства, кадрового обеспечения, способов коммуникации с местным поликультурным по составу населением, интеграции используемых правовых систем, способов сопряжения государственного суда и сохраняемых институтов сословно-общественной юстиции.

В современной литературе сформулированы различные оценки результатов судебной реформы на окраинах империи и в полиэтноконфессиональных регионах центральной части страны. При этом как позитивные, так и негативные оценки реформы и ее последствий во многом восходят к суждениям современников. Одни авторы подчеркивали успех новой юстиции в деле распространения равного для всех правосудия, формирования новой правовой культуры, важ-

ный вклад пореформенного суда в процессы модернизации страны. Другие исследователи делали акцент на неудачах, неспособности новой юстиции достичь поставленных целей, преждевременности и утопичности судебных преобразований, несоответствия внедренной модели нового суда социокультурному уровню большинства населения и объективному разнообразию регионов империи. Существуют и более дифференцированные оценки. В частности, доказывалось, что новая юстиция успешно функционировала в городах, но не выполняла своей миссии в сельской местности. Более дифференцированный подход постепенно развивается также и в части оценки результатов реализации судебной реформы в различных регионах Российской империи.

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на низовом и самом массовом звене пореформенной юстиции – мировых судах на окраинах Российской империи (в основном, Закавказье и западные окраины) и поликультурных регионах центра, на том, как они оценивались в научной литературе последних десятилетий. Покажем, что в фокусах внимания, подходах и оценках существуют существенные расхождения. В заключение наметим лакуны существующей историографии и наметим перспективы.

В литературе имперского периода обобщения по пореформенным судам на окраинах не сделано. Мы имеем дело с отдельными позитивными и негативными оценками и наблюдениями по отдельным параметрам и регионам, без попытки более масштабного и глубокого анализа. Неслучайно в претендовавших на подведение полувековых итогов судебных реформ коллективных трудах 1914 и 1915 гг. имперским окраинам внимания почти не уделено. Из достижений можно отметить аналитику Е. Тарновского по статистике дел в мировой юстиции, но региональное измерение в ней представлено недостаточно.²

В современных обобщающих работах по пореформенной юстиции, судебной-правовой системе в целом и ее региональным вариантам – исследованиях Н. М. Корневой, С. В. Лонской, М. В. Немытиной, Л. С. Нестеренко и др. – особенностям реального функционирования мировой юстиции окраин не уделено должного внимания.³ Авторы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII–начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268>, реализуемого на базе Тюменского государственного университета.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1-2. Пг.: Сенатская типография, 1914. 786+831 с.; Судебная реформа. Т. 1-2 / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. 311+381 с.

³ Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905 гг.) Дисс... канд. ист. наук. Л., 1990; Лонская С. В. 1) Мировая юстиция в России. Калининград, 2000; 2) Очерки истории мировой

сосредотачивается главным образом на вопросах подготовки реформы, институционально-правовых и организационных особенностях устройства пореформенных судов в имперских регионах, но не уделяют должного внимания реальному функционированию судов, составу участников процессов, типах рассматриваемых судебных дел, способах принятия решения, взаимодействию судов и судей с местными сообществами, личностям судей, околосоудебной посреднической среде, столкновению разных правовых культур на судебной сцене и т.п. То есть в обобщающей историографии не хватает своего рода «этнографического», «антропологического» подхода к изучению нового суда и судей в их взаимодействии с местными сообществами регионов империи.

Многие историки основную проблему в функционировании пореформенной юстиции и, в частности, мировой, видели в устойчивости правового дуализма – несоответствии идеи рационального и унифицированного закона и формальной судебной процедуры правовым представлениям сельского и городского простонародья о справедливости, неразличению между уголовным и гражданским правом, приверженностью обычно-правовым и конфессиональным нормам, предпочтению неформальных способов разрешения конфликтов при посредстве медиаторов-примирителей. К числу сторонников разных версий дуалистической концепции можно также отнести таких исследователей, как М. Левин⁴, С. Хьюман⁵, А. Джоунс⁶, С. Фрэнк⁷ О. Г. Вронский⁸, В. А. Томсинов⁹, О. Е. Кута-

юстиции Российской империи (1864–1917). М., 2013; Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / Под ред. А. Д. Поповой, С. В. Лонской. М., 2016; *Нестеренко Л. С.* Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве российской империи. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2012.

⁴ *Lewin M.* Customary Law and Russian Rural Society in the Post-Reform Era // *The Russian Review*. 1985. No 44. P. 1-19.

⁵ *Heuman S. E.* Perspectives on Legal Culture in Pre-Revolutionary Russia // *Law in Revolution: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory* / Ed. by P. Beirne. Armonk. N-Y, 1990. P. 3-16.

⁶ *Jones A.* Late imperial Russia. An interpretation: Three visions, two cultures, one peasantry. Bern, 1997.

⁷ *Frank S.* Crime, Cultural Conflict and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley; Los Angeles; London, 1999.

⁸ *Вронский О. Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999.

⁹ *Томсинов В. А.* Правовая культура // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 102-167.

фин¹⁰, Г. М. Давидян¹¹, В. Б. Безгин¹², Т. В. Шатковская¹³ и др. Российский историк А. Н. Медушевский констатировал, что в России возникло и сохранялось до конца империи параллельное существование двух правовых систем: «С одной стороны – особой сферы неписанного крестьянского права с его архаичными аграрными представлениями о справедливости, приоритете коллективного начала над личным, отрицанием индивидуальной собственности, а с другой – рациональной системы позитивных правовых норм, которые были в значительной мере заимствованы из европейских кодексов и соответствовали представлениям о гражданском обществе и частной собственности».¹⁴ В таком контексте не могло не возникнуть отчуждения широких масс как центра, так и окраин империи от пореформенной юстиции.

Одним из наиболее ярких и последовательных критиков судебной реформы и скептиков относительно ее результатов, в особенности на окраинах империи, выступает немецкий историк Й. Баберовски.¹⁵ Исследователь исходит из того, что судебная реформа 1864 г. была амбициозной попыткой подчинить империю единой правовой системе и ликвидировать все сословные и этноконфессиональные партикулярные юрисдикции. Но цели оказались абсолютно не соответствующими имперскому контексту. Если старая дореформенная судебная система отражала сложный, многосоставной характер империи, то новая создавалась для того, чтобы преодолеть его, унифицировать по чуждым, внешним образцам. Но устойчивое этническое и культурно-правовое разнообразие обусловило провал

¹⁰ *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: история, документы. Т. 4: На рубеже веков: эпоха войн и революций. М., 2003. С. 27.

¹¹ *Давидян Г. М.* Организация правосудия в Закавказье в XIX в.: судебные реформы // *Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право*. 2015. № 2. С. 76-86.

¹² *Безгин В. Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017.

¹³ *Шатковская Т. В.* 1) Обычное право российских крестьян второй половины XIX–начала XX века. Ростов н/Д, 2009; 2) Реализация правовых представлений россиян о справедливом правосудии в процессе адаптации к институту мирового суда // *Пробелы в российском законодательстве*. 2012. № 5. С. 38-42.

¹⁴ *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII–начало XXI века. М.; Берлин, 2015. С. 702.

¹⁵ *Baberowski J.* 1) Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996. S. 339-427, 781-791; 2) Law, the judicial system and the legal profession // *Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge University Press, 2006. P. 344-368.

унифицированной и современной по устройству судебной системы. Местные жители в массе не приняли новую юстицию, свидетельством чего стали массовые практики либо ее игнорирования, либо открытого манипулирования ею и лжесвидетельствования на процессах. Одна из основных причин провала, по Баберовски, – устранение в новой судебной системе традиционных элит, выполнявших роль медиаторов между имперским центром и этноконфессиональными и сословными сообществами. Реформа разобщила государство и сообщества, нарушив практики дореформенной общественно-государственной инклюзии. Европейская идея верховенства права и судебной унификации, констатировал Баберовски, в условиях полиэтнической империи приводила к дисфункции государственной системы. Особое внимание Й. Баберовски уделил пореформенным судебным институтам в Закавказье, где они, по мнению автора не достигли целей установления правосудия, местное население относилось к ним с недоверием, а иногда и неприкрытой враждебностью. Схожие пессимистические оценки судебной реформы в Закавказье находим и в работах других авторов.¹⁶

Отметим, что исследование автора настоящей статьи проблем реализации судебной реформы в Закавказье показало, что подобного рода выводы, подчеркивающие непреодолимый социокультурный и судебно-правовой дуализм и отчуждение, являются односторонними. Они в значительной мере опираются на ограниченный круг источников. В них, в основном, повторяются те оценки реформированной судебной системы региона, которые были даны со стороны административных властей края того времени. Разделение властей, ограничение полномочий полицейской администрации, относительно независимое положение судей, нередкие проигрыши в судах дел, инициированных полицейскими и административными чинами разного уровня, создавали нередко напряженные отношения между судебным и полицейско-административным ведомствами. В контексте этих отношений многие оценки новых судов и результатов их работ становились гипер-критичными. Включение в круг источников таких материалов как сенаторские ревизии, региональная периодика, в том числе специальная юридическая, статистические материалы (показывающие, в частности, очень большую и возрастающую актив-

¹⁶ Нестеренко Л. С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве российской империи. С. 118-131; Давидян Г. М. Организация правосудия в Закавказье в XIX в.: судебные реформы. С. 76-86.

ность населения по обращению к пореформенной юстиции региона), собственно судебные дела позволяет создать более взвешенную картину функционирования реформированной судебной системы края и, в частности, ее наиболее массовой и наиболее соприкасающейся с населением части – мировых судов.¹⁷

Следует пересмотреть широко представленное в историографии мнение о радикальной противоположности, дуализме и несовместимости, с одной стороны, нового реформированного суда, его правовой основы, судопроизводственных форм и, с другой стороны, традиционных судебных практик, правовых традиций и представлений населения Закавказья. Модели социокультурной, правовой и институциональной гибридизации имперского центра и окраин, метрополии и колоний, развиваемые в современных постколониальных исследованиях, являются более адекватными для анализа описанных процессов в судебно-правовой сфере.¹⁸ Модель двух противостоящих друг другу культурно-правовых, цивилизационных «монолитов» оказывается некорректной и односторонней при более внимательном исследовании и расширении базы источников. Различия были, но были и изначально сближающие элементы – гласность, публичность суда, опора на писаное право с частичным учетом религиозных правовых норм и местных обычаев. После распространения судебной реформы на Закавказье постепенно происходила дальнейшая взаимная адаптация новой судебной системы и местных сообществ. Постоянный рост количества обращений в мировые суды, многочисленные свидетельства об активном участии населения в судебных процессах в роли сторон, свидетелей или публики убеждают нас в том, что местные сообщества во все большей степени стремились разрешать свои споры в суде, хорошо освоив при этом судебные процедуры и порядки. Суд, среди прочего, привлекал как зрелище, ритуал, пространство соперничества и отстаивания индивидуальных и групповых статусов. Он позволял экономически слабой, низко-статусной в социальном смысле стороне спора добиться правосудия. По мере усиления смешанности местных сообществ, возрастания мобильности, увели-

¹⁷ Верняев И. И. Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. 2019. № 4. С. 1240-1256.

¹⁸ Stoler A. L., Cooper F. Between Metropole and Colony: Rethinking a Research Agenda // Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World. Berkeley, 1997. P. 1-56; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 45-47.

чения количества гражданских исков и конфликтов между представителями разных территориальных, сословных, этноконфессиональных групп общегражданский суд становился незаменимым, а партикуляристский, сословно и этнически ограниченный неизбежно терял свою значимость. Имперский местный суд во все большей степени осваивал региональный и местный контекст, узнавал и частично применял наряду с общеимперскими местные правовые нормы, выстраивал коммуникационные каналы с местными сообществами через разного рода медиаторов или напрямую. В мусульманских регионах новый суд взаимодействовал с духовными управлениями разного уровня. Важным направлением адаптации имперских судов к региону и его сообществам была своего рода «коренизация» кадрового состава.¹⁹

Как и в отношении Закавказья, в историографии по пореформенной судебной системе на западных окраинах империи также широко распространен скептический взгляд.

Так, американский историк Т. Пирсон исследовал мировые суды 1860-х–1880-х гг. в сельской местности западных и внутренних губерний и пришел к выводу о провале здесь этого ключевого пореформенного института. Формализация мировой юстиции вызвала, по мнению Т. Пирсона, отчуждение от него как локальных элит, так и сельского простонародья. Те и другие ценили традиционное единство местной административной и судебной власти. Привычные представления украинских, белорусских и русских крестьян о справедливости и их устоявшиеся практики правосудия были чужды навязываемым пореформенной юстицией модернистским ценностям, статутному праву и формальной процедуре. На западных окраинах, где мировые судьи не выбирались, а назначались, они, по утверждению Т. Пирсона, оказались чужды местному полиэтноконфессиональному населению. Здесь пореформенный суд выполнял миссию политики русификации. При этом судьи, как правило, не знали местных обычаев и в то же время поддавались воздействию влиятельных клик.²⁰

В то же время исследование автором настоящей статьи эволюции кадрового состава корпуса мировой юстиции и результатов деятель-

ности судей Юго-Западного края показало, что в последние десятилетия XIX–начале XX вв. шли активные процессы региональной адаптации. В судебном корпусе становилось все больше уроженцев региона, выходцев из более демократических в сословном отношении слоев общества. При этом городское и сельское население губерний Юго-Западного края отличались очень высокой и возрастающей активностью в обращении в пореформенные суды, прежде всего, в мировые. Учитывая изменения в кадровом составе судебного корпуса и возрастающую интенсивность взаимодействия сообществ и новой юстиции говорить об отчуждении и провале реформы вряд ли возможно.²¹

В последние годы появляются обобщающие работы, в которых исследователи отрицают наличие резкого дуализма правовых культур, не обнаруживают отчуждения от пореформенной системы, обращают внимание на формирование новых посредников и частичную инкорпорацию прежних. Так, К. П. Краковский в недавней обширной монографии, посвященной пореформенному судебному устройству и судопроизводству приходит к заключению, что широкие слои населения приняли реформу и активно взаимодействовали с пореформенными судами. Актуальная тема исследования, по его мнению – роль судебной реформы в преодолении правового дуализма.²² Отметим, однако, что в этой работе недостаточное внимание уделено особенностям реализации реформы на окраинах империи и полиэтноконфессиональных регионах.

Определенное внимание в последние десятилетия уделялось изучению пореформенного суда в Бессарабской губернии, которая хотя и входила в состав внутренних, отличалась яркими особенностями, полиэтноконфессиональным составом населения, культурно-правовым разнообразием. В серии работ А. П. Боршевского и его коллег, посвященных мировому суду в Бессарабии, характеризуется применение в регионе норм мирового судопроизводства и судопроизводства по Судебным уставам 1864 г., приводится эмпирический материал по судебным делам и использованию в них местного права. Однако

¹⁹ Верняев И. И. Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе.

²⁰ Pearson Th. 1) Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the Russian Justices of the Peace, 1865–1889 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1984. № 32 (1). P. 52–71; 2) Th. Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government, 1861–1900. Cambridge, 1989. P. 96–99.

²¹ Верняев И. И. Профессионализация, демократизация и «коренизация» корпуса мировых судей Юго-Западного края в позднеимперской России // Былые годы. 2021. № 16(4). С. 1835–1848.

²² Краковский К. П. Судопроизводство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы). М., 2019 (История суда и правосудия в России. В 9 т. Т. 4). С. 82, 181–182, 662–664.

в этих исследованиях почти не уделено внимания сравнению функционирования мировой юстиции Бессарабии с другими регионами империи. Соответственно специфика также остается недостаточно выявленной.²³ А. В. Калякина в серии статей предложила периодизацию судебной системы Бессарабии, охарактеризовала некоторые особенности ее развития на каждом из выделенных этапов. Исследовательница поставила вопрос о связи специфики судебной системы Бессарабии с этносоциальной структурой населения региона, но конкретных выводов о механизме и характере этой связи сделано не было. Основное внимание в своей диссертации и публикациях А. В. Калякина уделяет вопросу подготовки судебной реформы. В части реализации реформы автор изучает характеристики первого состава мировых судей Бессарабии. Сопоставление с мировой юстицией других регионов ограничивается критерием образовательного уровня мировых судей.²⁴ В статьях И. И. Верняева на разнообразных материалах доказано, что в Бессарабской губернии шли процессы взаимной адаптации пореформенной юстиции и разнообразных сообществ края. Это выразилось, главным образом, в региональной стабилизации и одновременной профессионализации корпуса участковых мировых судей, важной роли в местной юстиции почётных судей, отчасти представлявших сословные и этносословные группы

²³ Боршевский А. П. Общая характеристика функционирования местного самоуправления и мировой юстиции в Бессарабии (конец 60-х–70-е гг. XIX в.) // Право и политика. 2005. № 8. С. 135–140; Боршевский А., Варварич И. Мировая юстиция в Бессарабии (конец 60-х–70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2008. № 6. С. 2–5; Боршевский А., Мыца О. 1) Подсудность мировых судов Бессарабии в гражданском судопроизводстве (60–70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 1. С. 6–9; 2) Применение местных законов и обычаев мировыми судами Бессарабии в гражданском процессе (60–70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 4. С. 2–5; Боршевский А., Сосна Б. Внедрение судебных уставов Александра II: бессарабская специфика и этнополитические аспекты // Закон и жизнь. 2014. № 10. С. 15–23; Боршевский А. П. Мировая юстиция и ее роль по защите еврейского населения Бессарабии (вторая половина XIX века). Saarbrücken, 2015; Боршевский А. П., Захария С. К. Мировой суд в Бессарабии во второй половине XIX в. // Верховенство права. 2016. № 1.

²⁴ Калякина А. В. 1) Юридические коллизии в социокультурном пространстве при реализации Великой судебной реформы 1864 года на территории Бессарабии // Юридическая техника. 2017. № 11; 2) Периодизация формирования и развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2; 3) Судебная реформа второй половины XIX века в Бессарабии. Автореф. дисс... канд. юридических наук. М., 2019.

региона, формирование активной околосудебной среды посредников, обеспечивавшей взаимодействие между местными сообществами и институтами нового имперского правосудия, интеграции в судебно-правовую систему империи местного бессарабского права, укреплении сети судебной инфраструктуры и тем самым приближении её к населению сёл и городов Бессарабии. Закономерным результатом процессов взаимной аккомодации стала исключительная судебная активность населения региона, массовое обращение к ней представителей различных сообществ за разрешением конфликтов и споров.²⁵

Реализация судебной реформы в балтийских губерниях обсуждалась в историографии, в основном, в контексте более широких вопросов проблематики перехода в позднеимперский период от косвенного к прямому управлению, в рамках понятия русификации – в том числе, «административной русификации». Советский специалист по истории имперского управления П. А. Зайончковский в статье 1972 г. на основании материалов ревизии Н. А. Манасеина 1882–1883 гг. и отчетов губернаторов 1880-х гг. обобщил данные о дореформенной судебно-полицейской системе прибалтийских губерний, охарактеризовал положение почти полного контроля над ней немецких сословных дворянских и городских корпораций и очень слабое влияние на ее кадровый состав имперских властей. Реформы, призванные усилить правительственное начало в управлении краем, проходили под эгидой политики русификации Александра III. Исследователь обобщил основные особенности устройства новых полицейских и судебных институтов. Основной вывод состоял в том, что судебная и административно-полицейская реформа ослабили зависимость местного сельского населения от немецкого дворянства и одновременно усилили роль центральной государственной власти. Однако анализа адаптации новых институтов в крае, их функционирования динамики их кадрового состава в пореформенный исследователь не осуществил.²⁶

Американский историк М. Халтцель исследовал изменения в Прибалтийских губерниях в конце XIX–начале XX в. в рам-

²⁵ Верняев И. И. 1) Мировая юстиция в Бессарабской губернии: сравнительный анализ в имперском контексте // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2020. № 63. С. 5–15; 2) Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX–начала XX в.: адаптация к разнообразию // Русин. Международный исторический журнал. 2023. № 74. С. 109–132.

²⁶ Зайончковский П. А. Судебные и административные преобразования в Прибалтике // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Сб. статей / Отв. ред. Н. Г. Сладкевич. Л., 1972. С. 34–47.

ках концепции административной и культурной русификации. Исследователь пришел к выводу, что влияние политики русификации на немецкую этносословную элиту края было неоднозначным. В наибольшей степени немцам удалось сохранить элементы статуса-кво в сфере экономики (в частности, в широком спектре профессиональных и хозяйственных ниш), религии, образования, корпоративных институтов и идентичности. Напротив, в административной и судебной сферах русификация и тесно связанная с ней модернизация имели существенно большие успехи, подорвав контроль немецких корпораций края. Ограниченность выводов исследователя заключается в том, что он не ставит и не исследует вопрос о том, в какой мере и каким путем немецкие элиты края сохраняли представительство и влияние в пореформенных институтах – в частности, в новой имперской юстиции края.²⁷

Американский историк Б. Вудворт исследовал динамику этнического состава государственной бюрократии Прибалтийского края с начала 1880-х гг. до первой мировой войны. Отмечая противоречивость воздействия реформ и неразрывно связанной с ними политики русификации, исследователь приходит к выводу, что представители коренных народов края (он исследует, главным образом, эстонцев) стали участвовать в несопоставимо большей, чем прежде, степени в институтах общественной жизни, начиная с уровня волости и заканчивая структурами имперской губернской администрации. То, что известно в историографии как политика «русификации» 1880-х–1905 гг., отмечает исследователь, сопровождалась в Прибалтийском крае процессами «эстонизации» и «латышизации» гражданской и административной сфер жизни. Корпус государственных служащих, в том числе судейский корпус, становился более этнически разнообразным по составу. Б. Вудворт ставит вопрос о необходимости более детального исследования этой пока малоизученной группы – имперских чиновников-эстонцев, их отношений с собственным национальным сообществом и представителями других национальностей в составе становящейся все более полиэтнической бюрократии, их взгляды на службу, империю, национальное развитие своего народа. Это предмет дальнейшего исследования, но уже сейчас, по мнению Вудворта, можно сделать вывод о том, что в позднеимперский пе-

²⁷ Haltzel M. H. The Baltic Germans // Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / Ed. by E. C. Thaden. Princeton, 1981. P. 109–204.

риод все большая доля взаимодействий между эстонским сельским и городским населением и государственной бюрократией были в действительности взаимодействием между эстонцами, а не между эстонцем и остзейским немцем или русским.²⁸

Немецкий историк К. Брюггеманн в своей статье, посвященной различным проектам имперской политики в Прибалтийском крае в конце XIX–начале XX в., показал, что идеи и практики радикальной русификации, прямолинейного применения общеимперских принципов интеграции и унификации в специфическом региональном контексте вели к непреодолимым противоречиям. Традиционный словесный принцип лояльности противоречил новому национальному. Русский национальный проект противоречил активно развивающимся национальным проектам общин региона. В то же время дефицит кадровых и материальных ресурсов, которыми располагала империя, накладывал серьезные ограничения на политику русификации. В результате после ряда экспериментов имперские власти в регионе вернулись, по большей части, к достаточно прагматичной политике балансирования между различными национальными и социальными силами. Это балансирование нашло отражение и в кадровой политике – обеспечении по факту представительства как интересов имперского центра (через назначенных русских чиновников), так и интересов местных немецких, латышских и эстонских сообществ (в лице их представителей в различных сферах и на разных уровнях местного управления).²⁹

Если более общие вопросы относительно динамики, целей, противоречий и результатов имперской модернизации и интеграции Прибалтийского края поставлены и обсуждены, то многие детали остаются неисследованными. Это относится и к судебным реформам, формированию новых институтов и корпуса имперской юстиции в крае. Наше предварительное исследование позволило сделать некоторые важные выводы. Понятие «русификация» не характеризует всех тенденций, которые одновременно проявились в течение четверти века существования пореформенной юстиции Прибалтийского

²⁸ Woodworth B. Multi-ethnicity and Estonian Tsarist State Officials in Estland Province, 1881–1914 // Russian Bureaucracy and the State. Officialdom from Alexander III to Putin / Ed. by D. K. Rowney and E. Huskey. Basingstoke, 2009. P. 72–88.

²⁹ Brüggemann K. Representing Empire, Performing Nation?: Russian Officials in the Baltic Provinces (Late Nineteenth / Early Twentieth Centuries) // *Ab imperio*. 2014. № 3. P. 231–266.

края, в том числе мировой. Правовая основа судебной деятельности была гибридной, сочетая общеимперское уголовное и региональное – балтийское – гражданское право. Гибридность характеризовались и судебные-процедурные нормы. В кадровом отношении одновременно осуществлялись разнонаправленные тенденции. Новое сочеталось с инерцией прошлого. Местная юстиция в целом становилась более полиэтнической, но в разных ее частях преобладали представители различных этнических групп. Среди председателей мировых съездов и участковых судей преобладали присланные извне в регион русские судьи. В то же время на протяжении всего рассматриваемого периода среди этой части корпуса мировых судей сохранялось некоторое представительство немцев и в существенно меньшей степени – коренных народов края. Среди этой части корпуса местной юстиции постепенно увеличивалась и без того большая доля профессиональных юристов и одновременно демократизировался ее социальный состав. Среди влиятельного в крае корпуса почетных судей доминировали немцы, представители сельских и городских элит края. Но постепенно состав корпуса почетных судей становился более разнообразным. Среди председателей верхних крестьянских судов, непосредственно контролирующей самую массовую часть местной юстиции – волостные суды, постепенно усиливалось представительство эстонцев и латышей. Одновременно это означало демократизацию кадрового состава этой служебной позиции. В околосудебной сфере (секретари крепостных отделений, канцеляристы, переводчики, присяжные и частные адвокаты, приставы и пр.) преобладали выходцы из местных сообществ – немцев, эстонцев и латышей. Анализ разнообразных источников показывает, что не следует недооценивать влияние этой периферии на судебные процессы и вообще коммуникацию между имперским институтом и сообществами, их взаимную адаптацию. Русские мировые судьи были плотно погружены в местное сообщество и периферию судебной системы.³⁰

В последние десятилетия появилось довольно многочисленный ряд работ, анализирующих судебную реформу на уровне отдельных губерний и регионов. Однако исследовательский интерес в историографии смещен на подготовку реформы, ее первые этапы и институ-

³⁰ Верняев И. И. Динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, 1889–1913 гг.: русификация vs коренизация, элитарность vs демократизация // Вестник Оренбургского государственного педагогического ун-та. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 61–93.

ционально-нормативную специфику. В то же время имеется явный дефицит анализа реального функционирования, конкретных судебных дел, формальных и неформальных судебных практик, взаимодействия судей с местными сообществами. Многие работы написаны в жанре историко-фактографической справки (имеют, как выразился К. П. Краковский, «компилятивно-констанционный характер»).

В то же время отдельные работы на региональном материале, где исследуется реальное, повседневное функционирование новых судов, степень и характер вовлеченности местного населения в судебные практики пореформенной юстиции. Множество исследований по региональной контекстуализации пореформенной юстиции проведено в последние десятилетия на материалах центральных губерний, Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Степного края.³¹ Обширный обзор литературы конца XIX–начала XXI в. по пореформенной юстиции, сделанный недавно К. П. Краковским, помогает получить общее представление как об успехах, так и недостатках, тематических и территориальных лакунах в изучении пореформенной юстиции.³²

Из региональных исследований необходимо обратить особое внимание на работы немецкого историка С. Кирмзе.³³ Исследователь основывает свои оценки на эмпирическом исследовании пореформенной юстиции в двух полиэтнических регионах Российской

³¹ Большакова В. М. Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и судебная реформа конца XX–начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и времени) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 17–26; Попп И. А. Мировой суд в Пермской губернии. Екатеринбург, 2011; Дзидоев А. Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX–первой трети XX века. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2011; Зозуля И. В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX–начале XX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999; Вишневский В. Г. Особенности судебной реформы Восточной Сибири (1864–1896 гг.). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2008; Крестьянников Е. А. Правосудие в Западной Сибири (XIX–начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень, 2018.

³² Краковский К. П. Судебное устройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы). С. 11–103.

³³ Kirmse S. 1) «Law and society» in imperial Russia // *InterDisciplines: Journal of History and Sociology*. 2012. Vol. 3. № 2. P. 103–134; 2) Law and Empire in Late Tsarist Russia: Muslim Tatars Go to Court // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72, № 4. P. 778–801; 3) New Courts in Late Tsarist Russia. On Imperial Representation and Muslim Participation // *Journal of Modern European History*. 2013. Vol. 11. № 2. P. 243–263; 4) The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge, 2019.

империи – Таврической и Казанской губерниях. Он характеризует эти регионы как «внутреннюю периферию». По формальному статусу они относились к внутренним губерниям, управлявшимся по «стандартной» модели, но в силу их полиэтноконфессиональности сохраняли существенную специфику. С. Кирмзе сосредотачивается на взаимодействии татар рассматриваемых регионов, татарско-мусульманских этноконфессиональных сообществ и новой юстиции. Исследуя разнообразные источники, в том числе материалы судебных процессов в мировых и окружных судах, автор приходит к выводу о том, что татары в разных качествах были активными фигурантами судебных процессов в пореформенных судах. В качестве обвиняемых, пострадавших, свидетелей, истцов и ответчиков, присяжных заседателей, почетных судей, полицейских, легальных и нелегальных адвокатов, ходатаев по делам, переводчиков, канцеляристов и многочисленной публики в судебном зале татары постоянно и массово взаимодействовали с пореформенной имперской юстицией. Исследователь показывает, в частности, неоднородность сельских и городских сообществ – в правовом, экономическом, социальном, социокультурном, профессиональном, бытовом, религиозном планах. Они не были обособленными социальными системами, жизнь которых целиком определялась унифицированным сплавом обычного и исламского права, единой культурой. Отдельные индивиды различались по степени мобильности, приверженности традициям, религии, степени связности со своим этноконфессиональным и локальным сообществом, социальным статусом, наличием или отсутствием властного ресурса, мощностью социальных сетей поддержки, уровнем и формами взаимодействия с государством и представителями не-татарского и не-мусульманского населения, интересами, приоритетами, ценностями и мировоззрением.

С. Кирмзе приходит к выводу, что значительное количество татар как в городах, так и селах при наличии выбора между форумами правосудия предпочитали общеимперские пореформенные суды. Обращаясь в имперские судебные институты, представители местных сообществ разрешали конфликты внутри и вовне своей среды, боролись с преступниками, утверждали или бросали вызов существующим иерархиям, интерпретировали, выбирали и смешивали нормативные порядки, сотрудничали, противостояли и воздействовали в своих интересах на государство и его представителей. Государственный закон, легализованные формы обычного и конфессионального права, поре-

форменные институты имперского правосудия, вопреки распространенному мнению, играли все большую роль в повседневной жизни людей, интегрировали имперское правовое пространство, обеспечивали относительное равенство перед законом и тем самым постепенно трансформировали страну в направлении «империи законности» («lawful empire»).

Особо отметим также работы И. А. Поппа. Хотя они написаны, в основном, на материалах, одной из «внутренних» – Пермской – губернии, подходы и выводы имеют прямое отношение и к анализу пореформенной юстиции на окраинах.³⁴ Исследователь обращает, в частности, внимание на растущее стремление крестьян и горнозаводского населения переносить свои споры из волостных судов в общегражданскую мировую юстицию. Помимо стремления к переносу дел в мировые суды (в том числе путем различных манипуляций с содержанием исков), крестьянское и горнозаводское население стало активно пользоваться расширяющимися возможностями апелляции и кассации решений волостных судов в вышестоящих судебном-административных инстанциях. При этом сами волостные суды к концу XIX в. во все большей степени стали основывать свои решения – в том числе вследствие запроса «снизу», от самих крестьян и мастеровых – на нормах официального законодательства. В регионе действовало множество «ходатаев» – знатоков государственного права и судебных процедур – которые выступали в роли посредников, соединительного звена между деревенским и поселковым простонародьем и государственными судебном-административными институтами. Основные проблемы мировой юстиции исследователь видит скорее в недостаточной развитости ее инфраструктуры, материального и кадрового обеспечения, чем в существовании правового дуализма.

Обобщим вопросы, которые пока не получили должного освещения и ожидают детального анализа. Недостаточно исследованы служебные траектории, динамика состава судейских корпусов (например, вопрос о том, как сочетались межрегиональной ротации и стабилизации). Недостаточно уделяется внимания вопросам соотношения имперской, профессиональной, этноконфессиональной, сословной,

³⁴ Попп И. А. 1) Мировой суд в Пермской губернии; 2) «Безусловные похвалы, высказанные... в отношении волостных судов... сделаны людьми, смотревшими на дело с одной только теоретической стороны»: власть и местное судопроизводство в России во второй половине XIX века // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М., 2021. С. 196-222.

локальной идентичности судей. Не хватает внимания формальным и неформальным связям с этносословными судебными институтами и локальными форумами разрешения конфликтов. Методически слаб уровень исследования судебной активности (например, приводятся абсолютные данные о динамике дел, без расчета на единицу населения, что затрудняет межрегиональное сравнение). Исследователи пока недостаточно обращаются к материалам собственно судебных процессов для анализа реального функционирования новой юстиции в регионах империи, ее адаптации к местному контексту. Слабо исследована околосудебная среда – разнообразного рода канцелярских служащих судов, переводчиков, сертифицированных и нелегальных адвокатов, ходатаев, посредников и т. д. Именно это окружение судов служило своего рода связующим звеном, способствующим взаимной адаптации новой юстиции и местных сообществ регионов империи. Пока нет необходимого интереса к исследованию института почетных судей на окраинах. Если в центральных губерниях почетные судьи по факту мало участвовали в реальной судебной практике, но на ряде окраин они были очень активны, обеспечивая представительство интересов местных этносословных сообществ в новой имперской юстиции. Недостаточно внимания уделяется соотношению в судебной практике общеимперского, регионального, обычного и конфессионального права. Далеко не исчерпан потенциал архивных источников – материалов судебных процессов, служебных формуляров, ревизий и отчетов, региональной периодики, мемуарной литературы и пр.

Н. В. КИПРИЯНОВА

СЕНАТОРСКИЕ РЕВИЗИИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Проблема взаимоотношения верховной и местной (региональной) властей всегда была предметом внимания государства. Основная трудность заключалась в выработке эффективного механизма контроля деятельности местных административных структур. Системы надзора разных уровней были учреждены в ходе масштабных преобразований первой четверти XVIII в.: фискалы (контроль деятельности центральных и местных учреждений), генерал-прокурор (надзор деятельности сената и всех административных и судебных учреждений), «сенаторские ревизии» (надзор деятельности государственных органов на местах). Первоначально предполагалось, что ежегодно на места для осмотра губерний будут направляться по одному члену Сената и по одному человеку из каждой коллегии.¹ Однако только в 1726–1727 гг. было проведено первое обследование Московской губернии², затем проверки долгое время не предпринимались.

Сенаторские ревизии всегда привлекали внимание исследователей в основном с точки зрения взаимодействия высшего и центрального управления с местными структурами власти как в сфере разграничения полномочий, так и в плане пресечения всевозможных чиновничьих злоупотреблений.³ В последние десятилетия замет-

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: В 45 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Собрание первое (далее – ПСЗ-I). Т. VI. № 3931. С. 524.

² ПСЗ-I. Т. VII. № 4886. С. 651.

³ Карнович Е. П. Очерки наших порядков, административных, судебных и общественных. СПб., 1873; Чечулин Н. Д. Правительствующий Сенат в царствовании Екатерины Второй // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. С. 412–622; Блинов И. А. Отношения Сената к местным учреждениям до реформ 60-х годов // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 3. С. 506–657.